

Иосиф Гальперин

**ГЛАЗ
ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ**

- Скифия -

Иосиф Гальперин

Глаз всеобъемлющий

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31259272
Глаз всеобъемлющий: Скифия; Санкт-Петербург; 2018

Аннотация

Стихи, собранные в эту книгу, ранее печатались в периодике России, Болгарии, Германии, США, но ни в одну из прежних семи поэтических книг Иосифа Гальперина не входили. В основном они написаны за последние годы в болгарском селе Плоски, часть из них издательство «Скифия» выпустило в составе 11 тома «Антологии живой литературы». История, философия и интимная лирика сплавлены в этих стихах единым взглядом зрелого поэта.

Содержание

В беспробудных лесах	7
«...А это тень неба в тебе...»	7
«Тени бабочек, тени мальков...»	8
Путь наверх	9
«Месяц хмарь, двенадцатое число...»	10
«В беспробудных лесах от Амура до Рейна...»	11
«Покажи мне, где раки зимуют...»	13
«В любом орнаменте случайном...»	14
На концерте Пендерецкого	16
Моисей	17
Митинский пруд	19
«Когда метафорический сквозняк...»	20
«Некто...»	21
Миры	22
«Там, где птичья душа и собачья...»	24
Реанимация	25
Чистилище	27
Несвязное – 1	28
Пётр-камень	32
Поэту-фотографу	33
«Когда надумаешь родиться...»	35
«Мама, холодно спать одному...»	36
Магеллан	37

«Над фаянсовыми горами...»	38
Край Европы	39
«По брусчатке площади...»	40
Осень в Цхинвале	42
«Нет такого...»	43
«Унылая пора рекламы зимних шин...»	44
Укротитель	45
Несвязное – 2	46
«Кто чистит зубы крокодилу?...»	48
«Не на всём...»	49
«Я знал одного человека...»	50
«То зубы, то часы, то телефон забуду...»	51
«Сердце как старая собака...»	52
«Похороните меня в интернете...»	53
«Перебираю слова...»	54
«Родился в рубашке...»	55
«Пока не жахнет трёхлинейка...»	56
«Ломаю ветки...»	58
«Дух носился...»	59
«Мир состоит из Бога...»	60
«Я всё забыл. Но замурованные тени...»	62
«Как ангел-преобразователь...»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Иосиф Гальперин

Глаз всеобъемлющий

© Гальперин И., текст, 2018

© Л. Цуканова, фото, 2018

© Издательство «Скифия», 2018

* * *

Почти полвека назад в общежитии журфака сложилась компания студентов, приехавших из разных концов страны в Москву с одинаковым желанием: писать. Кто-то не скрывал надежд на художественное слово, кто-то говорил лишь о журналистике, но каждый стремился быть точным и самостоятельным. Потому что мы ощущали себя посвящёнными. Допущенными к слову.

Мы до сих пор ощущаем единство с теми, кто жив, с теми, кого нет. Мы делились написанным без боязни быть непонятыми и без желания подладиться под чьи-то вкусы. А ценили мы одних и тех же непохожих авторов, поэтов и писателей. Ценили, но не подражали, считали, что не все еще сказано, что мы обязаны найти что-то своё. Поэтому к моде на пост-модернизм оказались непричастны.

Я несколько лет назад писал о творчестве Иосифа Гальперина. Готов и сейчас повторить эти слова.

Вот, кажется, прошумел и укатил постмодернизм – и нет его на горизонте. Но мировой просцениум вряд ли будет пустовать долго. И вот стоит поэт на пороге этого мира и то с недоумением, то с презрением смотрит на непрерывную смену вех, переживает, участвует, отвечает. С позиции мудреца, конечно, смотрит, говорит умные проникновенные вещи. Его как будто не слушают, но слышат.

Иосиф Гальперин давно в поэзии. Мне внятна его серьезная и трезвая интонация, понятна его забота – сохранять свою отражающую способность в чистоте и спокойной ясности. Что сегодня редкость. Редкость быть верным себе, своему однажды сделанному выбору. В этом качественная особенность и будущность его поэзии.

Иван Жданов

В беспробудных лесах

«...А это тень неба в тебе...»

...А это тень неба в тебе,
отпечаток скрижали, тавро,
оттиск двойной спирали,
скрученной вечной пряхой.
Ты чувствуешь только одно –
холодно или тепло,
да и то – неточное знание,
особенно, если родился в рубахе.

Тени идут по лицу,
проходят, оставляя лыжную морщин.
До следующего облака
дотянуть бы неутолимым.
Ты видишь развёртку радуг
без целей её и причин.
Облако выглядит богом,
особенно, если лежит на Олимпе.

«Тени бабочек, тени мальков...»

Тени бабочек, тени мальков,
по струящейся амальгаме
с двух сторон пролетают пред нами,
как две эры на стыке веков.

Так по ленте сетчатки летят
тени будущего и былого:
изнутри подымается взгляд,
каждый раз рождается снова.

Даже если обычная мгла
поутру раздвигает завесы,
ты же помнишь: рассвет интереса
пред тобою строчка зажгла.

Не обещан успех наперёд,
что завещано – сбудется вряд ли,
только тень оживёт, какую найдёт
точный глаз на вздрогнувшей глади.

Путь навверх

Когда и луковки, и шпили
разжаловали и спилили,
то потолок прямоугольный
закрыл колодец колокольный,
проход навверх заколотили –
и чердаки забили пылью.

Когда нас снова удивили
дезабилье и изобилье
летающей облачной артели,
её понять мы захотели,
но дирижабли-монгольфьеры
в свою не посвятили веру.

И только дождь струной холодной
и абрис дерева бесплотный
нам открывают путь навверх.
По луже – дрожь, по морю – волны,
а мы оторваны, безмолвны.
Но ласточка сшивает всех.

Ньюкасл – Йорк, 16.07.2010

«Месяц хмарь, двенадцатое число...»

Месяц хмарь, двенадцатое число,
сотни лет – и тьма, и тьма, и тьма,
снег не снег, дороги развезло –
это плачет по тебе тюрьма,
это вязнет на суглинке свет,
это вянет на подзоле мысль,
это гаснет человеческий след,
это грязной остается высь,
как ни чисть слезами и рукой,
как ни три оконное стекло –
хмурой родины
гибельный покой
не нарушит свежее число.

«В беспробудных лесах от Амура до Рейна...»

Андрею Сергеевичу Смирнову

В беспробудных лесах от Амура до Рейна,
четверть шара земного параболой сжав,
как древесного угля слепое горенье,
накопилась энергия диких держав.
Столько смуты не выдержать миру и Риму,
и, степную гиперболу переварив,
волны хаоса бились неукротимо,
шли на Прагу, на приступ и на прорыв.

Корчевали, потом воевали так долго,
что опять зарастали осиною поля,
а в степи разливались от Ганга до Волги
бессловесные полчища – перекати-Земля.

Не опознан, уходит пастух-земледелец.
Затопив материк, повторяет вода
диких предков пожар по саванне Сахейля,
оставляя на дне валуны-города.
Снова степь, снова лес – не написана книга,
человечество спит, беспробудно молча.
Зреет в тесном скиту слово архистратига,

бьётся в гулкой пещере пророка свеча.

Если слово горит – не нужна позолота,
но под пыткой огнём безответны леса.
Красной нитью свяжи торфяные болота –
не проложишь подножие для колеса.
Не по рылу кусок, не в обхват человеку
беспросветных деревьев таёжный разлив.
Переплыли когда-то великие реки –
и застыли навеки, недолюбив...

«Покажи мне, где раки зимуют...»

Покажи мне, где раки зимуют,
где стрекозы личинки лежат,
где, не ведая волю земную,
дышат в снег носы медвежат.

Запелёнута крыльев свобода,
спят и когти пока, и клешни,
молодь прячется на полгода,
и кузнечики не слышны.

Не бывает лёгкой игрою
несгибаемость метаморфоз,
пусть себя под землю зароет
время будущее стрекоз.

Покажи мне – и я разгадаю,
что откроет сегодняшний миг,
вызревавший в подполье годами
и прошедший сквозь нас напрямик.

Расширяется жизни арена,
в круге – завтра, сейчас и вчера,
но, меняясь, неприкосновенна
неразменная эта игра.

«В любом орнаменте случайном...»

В любом орнаменте случайном –
вглядись! – есть человеческий глаз,
как будто пристально, печально
поверхность изучает нас.

Грохочет, ухает невнятно,
бьёт водопадом по ушам
мир, бессловесно необъятный, –
спешит приблизиться к словам.

Движеньем ветра и осины
дыханье прячется в груди,
губами лёгкими жасмина
цветенье женское гудит...

Не пропадает опыт дальний
на круглой маленькой земле,
где человек исповедальный
в себе его находит след.

Вот предок – это я сегодня! –
терзает кремни для скребка,
и вдаль, и вглубь летя свободно,
считает близкими века,

не знает, кто из них жестокий,
кто был в родне исчадьем зла...
Отодвигаются истоки
и улыбаются глаза.

На концерте Пендерецкого

Как липнет липовый цветок
к листу почти такого ж цвета,
на огонёк летит, жесток,
дым мотыльков в разгаре лета.

Притянет – и не оторвать! –
намёк на родственность, приманка,
метафор общая кровать,
воронка, раночка, обманка.

А что ж тут общего, скажи?
Рождение, зренье, умиранье.
Похоже всё, что хочет жить,
и на огонь похожа рана.

Ты только руку протяни –
к тебе черёмуха качнётся,
хоть ты её не обмани,
не оборви. Тебе зачтётся.

Моисей

На перечень ручьёв,
и речек, и ключей
готов истратить взгляд
лампадок и свечей.

Мучительно искать
в болтливой тишине
источники – для всех,
прозрение – в огне.

Прост и закрыт язык
капель или струй,
но если жаждет люд,
то напоить – рискуй!..

В пещерной темноте
среди пустынных гор
расселину рассёк
призыв, как приговор.

Но жажду утолив
вперёд на тыщи лет,
невнятен стал ручей,
и непрозрачен свет...

Сквозь дёрн, среди травы
в песке пробился ключ.
Смешные пузырьки
перебирает луч.

Митинский пруд

Потемневшим лицом
вода припадает к песку,
после блеска зеркального
ясность до дна.

Посмотри на пруды:
их вгоняет в тоску
та же темень небесная,
отражена.

Посмотри на себя,
погоди, задержись в октябре,
крохи листьев сгорающих
к силам добавь,
бровью ивы зелёной коснувшись,
лицом подобрей,
опоздавшую зелень
со снегом поздравь.

«Когда метафорический сквозняк...»

Когда метафорический сквозняк
соединяет дальние значения,
как бы телеграфический столбняк
идёт по полю мимо населения,
я думаю о радиоэфире –
одном на всех.
На всё вещанье в мире.

«Некто...»

Некто
рисует миры
на песчаной отмели.
Неудачные
быстро смахивает сам,
удачные
смывает волна.

Миры

Плеззиозавр,
подымая утром голову
над солёной водой,
думать, видимо, не мог,
но вполне ощущал:
как хорошо!
Ему повезло родиться,
он видит солнце,
лучшего мира нельзя вообразить.

Плеззиозавр вымер
65 миллионов лет назад.

Каждое существо,
подымая утром голову
над солёным океаном жизни,
хоть раз да почувствует:
как хорошо!
Ему повезло увидеть солнце,
родиться в лучшем из миров.

Если бы до сих пор
жили плезиозавры,
новых миров
никто бы не увидел.

«Там, где птичья душа и собачья...»

Там, где птичья душа и собачья, –
там найдётся местечко моей,
у святого Франциска на даче,
за границами райских цепей.

Не молился, не верил в вериги,
обязательства не принимал,
ни одной из великих религий
не был впору, наверное – мал.

Недосказанный, недоучённый –
я рукою махнул на него –
тает мир мой, как лёд наоконный
от дыхания моего.

Я не выдержал в жизни экзамен,
не пришёл в человеческий вид,
но душа моя льётся слезами
и с Франциском святым говорит.

Реанимация

Игорю Власову

– Тронулась душа и просится наружу.
Ты прости меня, сестра, но я умру.
– Вот и ладно, не держи в неволе душу
и не бойся гаснуть искрой на ветру.
Разве ты гореть, как прежде, сможешь?
Тяжело на свете жить трухой...

Говорит одна, другая, ёжась,
примеряет вечный холод и покой.

– А не грех туда спешить, сжигая корни?
– Разве прутья – это корни для огня?
Мы, как ветки, к небу тянемся исконно,
нас костры тревожат, пламенем маня...

На клеёнках лёжа рядом, голые старухи
в запертой палате третью ночь.
Сказки, капельницы, нянечки и духи
одинаково не могут им помочь.

– Ну а ты, сестра, пойдёшь за мною?
– Догоню, не знаю лишь – когда.
Ты не думай, я глаза тебе закрою.

Только... я ещё к полёту не годна.

– Будто камень падает с души, ущербный, –
тело, ахнув, отпускает в путь меня.

– Да, наверное, как камень у пещеры
утром третьего обещанного дня...

Прутики в костре реинкарнаций
обсуждают Божье торжество.

В склепах областной реанимации
долго не содержат никого...

Чистилище

Молнии летают у небесных врат –
ножницы кривые режут путь назад,
и теперь насельники кисельных берегов
со споротыми ценниками – кто раньше был каков.

Не понять им, бедным, нынешний расклад:
в рай они попали или влипли в ад?
Души бестелесные не взвесишь на весах,
мысли бессловесные не помнят о грехах.

И решает смелая, бедовая душа:
«Я в раю, наверное, – была я хороша!»,
а душа смурная ничему не рада:
«Мне куда до рая! Я в районе ада».

Смотрят друг на друга в парилке облаков:
в бане нет отличий, в бане нет грехов,
сколько вместе быть ещё?

Вот оно, чистилище.

Несвязное – 1

* * *

Будешь падать – подгибай колени,
чтобы не удариться плашмя...
Сколько ненамеренных Каренин,
если поглядеть вокруг меня!

* * *

В доме повешенного
говорят о кресте.
Значит,
чужие.

* * *

Как пальма
среди олив –

причудлив,
но неприхотлив.

* * *

Условная цифра.
Но из-за нее и наша жизнь,
и древние развалины
остаются вместе в прошлом тысячелетии.

* * *

Я свободен
от мизинца правой руки до мизинца левой ноги.
Каждое утро
подтверждает версию о личном бессмертии.

* * *

Я набыю своим молчаньем том
только для того, чтоб различать,

видно ли в молчании моём
тяжкую словесную печать.

* * *

Здесь книги читают с востока на запад,
а годы считают с начала времён.
На точку отсчёта от мёртвого знака
резиновой лентой бегун возвращён.

* * *

Отчего же дрожишь ты, осиновый лист, —
радость встречи с родною землёй?
Струйки воздуха вверх, струйки воздуха вниз —
пепел пляшет пунктирной струёй.

* * *

Носитель языка, водитель глаз,
владеющий собой, как инструментом,

я подошёл к окну, в окне звезда зажглась.

Ну, кто из нас двоих рачок люминисцентный?

Пётр-камень

Петру Горелику

Крошились камни в поисках основ,
он проверял и выбрал, что сберечь:
и первый звук потом любимых слов,
и новых правд невеленную речь,
и тяжесть глаз, и неуклюжесть строк,
и крепость жил, и теплоту в руке...
Старик – скала, и целый век – как рок
так долго говорить на древнем языке.

Заплачено и пулей, и пером
за право быть соратником друзьям.
С бутылкой водки приходили в дом,
глоток свободы передали нам,
Борис и Дэзик, Павел, Михаил –
какие собеседники в ночи!
Он как архангел силу сохранил
и как апостол бережёт ключи.

Скала судьбы стоит передо мной
и защищает силою иной.

Поэту-фотографу

Ивану Жданову

Одинокому и облако – собака,
ноги в руки, по тропинке вверх.
Держи-дерево навязывает драку,
украшает постный твой четверг.

Зрение твоё монокулярно,
потому и не с кем оценить
радуги, зеркальные попарно,
горизонта бритвенную нить.

Но зато поднявшийся на камень
понял, что умеет и смолчать
кровь, тебя будившая толчками,
отплесками первого толчка.

Звук пропал. Вершина кругозора,
резкости наставшей глубина,
выдержек охотничья свора
кадру продиктуют всё сполна.

Облако легло ничком на почву,
вздрагивает, высунув язык.
Ничего в тебе не кровоточит,

мир, наоборот, в тебя проник.

«Когда надумаешь родиться...»

Будущей Марианне

Когда надумаешь родиться,
об этом ангелу шепни,
он поглядит на наши лица —
готовы ли к тебе они?

Как первой встречи с человеком
ждут амазонские леса,
наполнены вином и млеком
зовущей жизни голоса.

Как Марианнские глубины —
к ядру Земли кратчайший путь,
ты попадаешь в сердцевину,
впервые принимая грудь.

12 мая 2008 – 15 мая 2010

«Мама, холодно спать одному...»

Мама, холодно спать одному,
подоткни одеяло.
Перебираю невидимую бахромку.
Говорю что попало.

Всё пропало! Мои корабли...
Жертвы больше добычи.
Мама, мама, скорее меня полюби!
Смотрит небо, набычась.

Я в другую палату хочу.
Нет, не дом, а больница!
Покажите меня дорогому врачу,
он не будет лениться...

Знаю, мы – снова дети в бреду,
есть у каждого тайна.
Я с кровати своей никуда не сойду,
с корабля без капитана.

Магеллан

В створ распахнутых лобных долей
я прошел в океан безумья.

Имбирь и перец моих кораблей
не уместятся в ваши трюмы.

Я беру на себя пряный груз,
принимаю на грудь волны страха...

Я сойду с ума – и вернусь:
место занял лентяй и неряха.

Если скажешь: «секстан» и «расчёт»,
он услышит: «сектант» и «просчёт»,
если спросишь про курс и мили,
«сколько-сколько? – скажет, – промилле?»

Пряный капер от запахов пьян,
сеет хаос лентяй и неряха.

Ну зачем секстан, капитан,
если курс – за столпами праха?

Не вернуться эскадре домой,
людоеды ждут адмирала.

Гвоздика, шафран и кардамон
тлеют в бочках, разбитых о скалы.

«Над фаянсовыми горами...»

Над фаянсовыми горами
облаков фарфоровый звон,
юго-западный режет грани
на сыром матерьяле волн.

Изразцовая роспись леса
облила пропечённый утёс,
а на пробковом дубе нарезы
терракотовый держат лоск.

Открывает ракушечный камень
древней лепки суровый стиль,
открывается под ногами
ремесло первородных сил.

Край Европы

Горы приняли позу покорности,
подползая лакать океан,
и теперь подаяньем прокормятся
набегающих облачных стран.
Ухмыляются битыми мордами,
пьют штормов кислородный раствор –
и цветёт под циклонными ордами
оперенье миндальное гор.
Повторяясь, клубится империя,
месит волны воздушные гром,
а над ней страусиными перьями
стратосферный играет объём.

Необъятная площадь истории –
вод и воздуха круговорот,
в океанском бульоне настоена
та слеза, что меня прошибёт.

Океан – вот мое человечество,
жизнь на меньшее не поддалась.
Обнимает волна, пена светится.
Принимаю верховную власть.

«По брусчатке площади...»

По брусчатке площади
лошадь бьёт копытом,
в городке старинном
шапито открыто.
Вырос купол новый,
по краям углы,
не собор суровый –
готика игры.
Молодеет город,
лев рычит за аркою.

Утоляет голод
зрелище из Африки.
Снова, как когда-то,
кормится неволей
городок, богатый
океанской солью.
Здесь перед собором
продавал рабов
вождь конкистадоров –
добытчик-людолов...

Оживают пристани,
вяжут лапы льву –
в шапито с туристами

денежки плывут.

Осень в Цхинвале

В сыром молочном контражуре,
как будто в рваном пеньюаре,
мне свысока кивнули горы,
пирамидальные, как гири.

Наверно, штольни и тоннели
все перевалы переврали —
и нет связующей нас цели,
и горы палку перегнули.

Высотомерное величье,
нечеловечье равнодушие,
но беличье до неприличья
есть в пеньюаре что-то шубье.

Как суeta листвы по склонам
не мажет горную породу,
не выжать лаской благосклонность —
такая гордая порода.

«Нет такого...»

Нет такого
искажённого художником
лица,
которое не встретилось бы
по дороге.
Босх и Дюрер,
великие итальянцы,
малые голландцы,
Доре и Бёрдслей,
Пикассо и Матисс
ничего не смогли придумать.
Тоже мне творцы!

«Унылая пора рекламы ЗИМНИХ шин...»

Унылая пора рекламы зимних шин.
Вот с реактивным рокотом хозяйственную сумку
по выбоинам прёт унылый гражданин,
колёсики стучат в такт общему рисунку.
Да, знаю, колесо – эмблема перемен,
повторно круговых и движущихся к краю,
но сумкой впереди патлатый джентльмен
опять по нервам бьёт.
Кто он? Кто я?
Не знаю.

Укротитель

Выходящий с бичом по ночам в середину заветного круга
воспитатель зверёнышей, дрессировщик и репетитор
твёрдо знает, зачем, что в итоге и чья же заслуга
в торжестве на манеже, тёмной пляске счастливых
софитов.

Режиссёр, дирижёр, потрошитель банального текста,
проповедник усталый, интерпретатор,
он гоняет по кругу безумных чертей из оркестра –
и вращаются тигры, иллюстрируя ротор и статор.
Он почти уже бог в сочинённых заранее рамках,
но тупеет тигрица, щелчками прибитая к тумбе,
и за мясом на палке охотится вольная самка.

Озверел укротитель и щерит поетые зубы.

Лучше с круга сойти и погладить по холке и лапе,
и увидеть опять точный глаз оживающей пумы –
это есть божий текст, в сердцевину впускающий клапан,
укрошающий гордость, освещающий лица угрюмых.

Несвязное – 2

* * *

...своих решений видеть
произвол –
как в дырке зеркала увидеть
бесконечность.

* * *

Командировка в мир из нетей меганета,
из нитей тех сетей, что держат на весу
скопления звёзд и глаз. И интерес поэта
к тому, чем завершить командировку всю.

* * *

Как дрессированный медведь трусит на задних лапах,
как слушает врача психический больной,

так и твоя судьба, опасная внезапно,
скрывает от тебя с тобою разнбой.

* * *

На горы надо смотреть сверху –
тогда виден облегающий расселины простор,
тогда ясно,
как по нему пройти.

«Кто чистит зубы крокодилу?..»

Кто чистит зубы крокодилу?
Такая маленькая птичка.
Она бы в пасть не заходила,
но там кормёжка и привычка.

Брезгливо лапки поднимая,
суёт свой нос, куда ей надо, —
и слаще нет родного края
зубов передового ряда.

Не зря поют «Остатки – сладки!»
завистницы с высокой ветки:
труду отдавшись без остатка,
как сладко нужным быть навеки!

Пускай, обклёвывая зубы,
рискуешь просто надорваться,
зато ты не охотник грубый:
не убивать – не убиваться.

Так вот в чём истинная сила
и основание нервных клеток:
точить оружие крокодилу
для пропитанья малых деток...

«Не на всём...»

Не на всём
что я рисовал
два года лёжа в постели
мне удалось потом прокатиться

Вертолёты
двух марок и пяти моделей
самолёты
от самых маленьких до самых больших
принимали меня на борт

Только восьмипалубный
трёхтрубный белый с синим
морской лайнер
ни разу не опустил ко мне
трап

Хотя я его рисовал
и в альбоме с завязочками
и в тетрадке в клеточку
чаще всего и старательнее всего

«Я знал одного человека...»

Я знал одного человека
он прыгал через лестничные пролёты
опираясь одной рукой на перила
он бежал вверх по эскалатору
некого спросить
зачем он это делал
это было давно
это был я

«То зубы, то часы, то телефон забуду...»

То зубы, то часы, то телефон забуду:
и слова не скажи, и кашей будешь сыт.
От времени отстал, и к основному блюду
уже не позовут, хотя не позабыт.

Из дома выходя, ключи, очки и паспорт
обязан проверять. Ширинку застегнуть...
Попасть в знакомый мир, в ловушку не попасться.
Былые маяки не пробивают муть.

Как много моего способно жить отдельно:
и дети, и стихи, и уши, и глаза...
Но кто подскажет мне, с какой великой целью
я носовой платок на память завязал?

«Сердце как старая собака...»

Сердце
как старая собака
долго возится перед сном
крутится на месте
то успокоится то встрепенётся
вспомнив дневные обиды
а то замрёт на полутакте
соображая что делать дальше
Ну послужи ещё
собака

«Похороните меня в интернете...»

Похороните меня в интернете,
на малой родине – в русском сегменте.
Надпись на камне, число на конверте –
это всё лишние документы.

Стану невидимей звёздных посланий,
только, надеюсь, немного понятней.
Чёрные дыры сгоревших желаний,
солнечных зайчиков белые пятна.

Кодом двоичным меня сохраните,
лучше не выразить смертно-бессмертных.
Точка-тире – это дыры в граните,
это свобода эксперимента.

Там, на холме, в закутке, под берёзой
русского звука, у дуба упрямства
корни еврейские свяжут серьёзно
дух отлетевший с духом пространства.

Сердце моё, что созрело в гортани,
пусть улетает, летает, таится,
пусть архаичной вечностью станет,
новостью интернетной страницы.

«Перебираю слова...»

Перебираю слова
одни нравятся а другие нет
хотя все одинаково неяркие
словно раки в тазу
цепляются друг за друга
и за меня
больно или щекотно
пытаются расползтись
если правильно приготовить
будут вкусные и красные
но мёртвые

«Родился в рубашке...»

Родился в рубашке
рванул её на груди
теперь пишу на лоскутах

«Пока не жახнет трёхлинейка...»

Пока не жажнет трёхлинейка,
шестидюймовка, террористка,
пока лишь вариантом риска –
смирительная телогрейка,

пока не пробует поэта
стальное горло пистолета

и не опущены закрывки
у самолёта на посадку,
пока летишь по переулку
со скоростью звучащей капли,

на руку не кладёшь охулку,
за ложе не берёшь винтовку,

пока висишь нарастопырку
у паука наизготовку,
опутан липкими сетями,
но жало не вошло под шкурку,

пока ты не участник мира
войны, а только наблюдатель, –

не оставляй в покое лиру,

долби перегородки, дятел!

«Ломаю ветки...»

Ломаю ветки
плету дом
не себе но свой

Раздуваю грудь
дёргаю из неё пух
выстилаю гнездо

Занят делом
а голова свободна
можно смотреть вокруг

Ломаю связи
дёргаю впечатления
набиваю голову

Жду новых жильцов
сяду на гнездо
высиживать строчки

«Дух носился...»

Дух носился
над океаном моего мозга,
отделяя зёрна истины от плевел.
Каждый день
с воскресенья до субботы.
А когда не носился –
того дня и не было.

«Мир состоит из Бога...»

Мир состоит из Бога,
духа его и тела.
Даже где звёзд немного,
нету ему предела.

Мир состоит из боли,
страха, потерь, распада.
Агнца и то закололи,
сад затоптало стадо.

Сколько бурлит гармоний
в хаосе свежей плазмы!
Подъёмные краны молний
из грязи подняли разум.

Копишь в душе понятия,
мозг наполняешь знанием –
станет его проклятьем
кровь, забитая дрянью.

Бог состоит из мира,
движется кровью время...

Боже, за что эта мера!
Боже, за что мне мера...

«Я всё забыл. Но замурованные тени...»

Я всё забыл. Но замурованные тени
того, что знал, тревожат иногда
больней и ярче детских потрясений
и взрослого напрасного стыда.

Смирился – прошлое читаю по ладони,
готовый к опознанию примет.
Уходит память, но её нагонит
навстречу бьющий будущего свет.

Я опознаю, что должно случиться –
тень будущего нас предупредит!..
Приметы стёрлись. На ладони чистой
я нахожу просроченный кредит.

«Как ангел-преобразователь...»

Как ангел-преобразователь,
как в почву ввевшийся росток,
ты собираешь жизнь в объятья
и с ней сверяешь кровотоки.

Слабеют руки. Между пальцев,
как сноп созревший, сыплют дни –
и ты теряешься от фальши,
себя не видя среди них.

За гранью, растворясь в рассвете,
собою снова овладей –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.